

Н.В. Ивашина

Белорусский государственный университет

e-mail: natasha.ivashina@gmail.com

УДК 81'373.227

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ В СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ АСТРОНИМИИ

Ключевые слова: *славянская народная астронимия, славянские названия Млечного пути, универсальное vs региональное.*

В статье рассматриваются славянские названия Млечного пути, связанные с универсальным представлением о пути. Этот архетипический образ трансформировался и пополнялся новыми мотивами, соединяя реликты мифологических представлений и современных земных мотивов. В то же время славянская астронимическая система пополнялась новыми образами под влиянием соседних народов. Однако далеко не всегда сходная обработка универсального образа является свидетельством межъязыковых контактов. По-видимому, в основе восприятия небесных светил в разных языках и культурах существуют определенные концептуальные связи.

N.V. Ivashina

Belarusian State University

UNIVERSAL AND REGIONAL IN SLAVIC FOLK ASTRONOMY

Key words: *Slavic folk astronomy, Slavic names of the Milky Way, universal vs regional.*

The article discusses the Slavic names of the Milky Way associated with the universal concept of the way. This archetypal image was transformed and replenished with new motifs, combining relics of mythological representations and modern earthly motifs. At the same time, the Slavic astronomical system was replenished with new images under the influence of neighboring peoples. However, by no means always similar processing of a universal image is the evidence of interlingual contacts. Apparently, there are certain conceptual links in the basis of the perception of celestial bodies in different languages and cultures.

В славянской народной астронимии представлены универсальные для большинства языков мира образы, восходящие к архетипическим моделям ('путь' для Млечного пути, оппозиция 'утренняя – вечерняя звезда')

для обозначения Венеры), общеевропейские семантические типы ('повозка' – Большая Медведица, 'курица-наседка' – Плеяды), а также специфические образы, отражающие особенности жизни славянских народов (русск. *кичига*, *грабли*, бел. *кармісел* – Орион, польск. *ubieraczki*, *grabacze* – Меч Ориона).

Для народной астрономии славян характерна, с одной стороны, малочисленность объектов номинации, с другой стороны, разнообразие названий-вариантов одного объекта. Источниками вариантов являются:

а) различные образы, положенные в основу номинации: 'наседка', 'волосы', 'бабы', 'решето', 'кучка, грудка', '7 звезд', 'овечки' – Плеяды; 'медведица', 'воз', 'ковш', 'лось', 'конь' – Большая Медведица; 'утренняя звезда', 'заря', 'денница', 'вечерняя звезда', 'звериная звезда', 'волчья звезда', 'скотья звезда', 'пастушья звезда', 'преходница', 'Чигирь звезда' – Венера;

б) разная степень конкретизации одного образа: чеш. *kuřátka*, *kvočna*, *kvočna s kuřaty*; польск. *kwoka*, *kwoka s kurczętami* – Плеяды; польск. *wielki wóz*, *duży wóz*, *niebieski wóz*, *wóz z dyszlem*, *wóz północny*, *wóz Salomona* – Большая Медведица; польск. *gwiazda zwierzęca*, *wilcza gwiazda*, *gwiazda wołu*, *gwiazda zająca* – Венера;

в) разное лексическое выражение одного и того же образа: польск. *kwoka*, *kura*; *gromadka*, *kupka*; *fura*, *kalasa*, *kareta*, *wasąg*; *furman*, *woźnica*; *gwiazda miesięczkowa*, *gwiazda księżycy*; бел. *воз*, *карэта*, *калясніца*, *навозачка*, *брычка*; *сімка*, *рэшата*;

г) различия формальные – словообразовательные, фонетические, морфологические: польск. *kwoka*, *kwoczka*; *baby*, *babki*; *sito*, *sitko*, *sitco*; *kupa*, *kupka*; *niedźwiedzica*, *niedźwiedź*; *wieczornica*, *wieczorniczka*, *wieczórka*, болг. *ралото*, *оралото*, *оралица*, *оралица*.

Безусловный интерес представляет процесс становления астронимов и характер тех изменений в названиях звезд и созвездий, которые произошли за многие тысячелетия их существования. Мифологическая мотивировка астронимов представляется чрезвычайно древней. По-видимому, именно миф позволял связать наиболее яркие звезды и группы звезд в единую картину. Как только общая картина распадается и исчезает необходимость в мифологической интерпретации, мифологические образы трансформируются в различные религиозные, исторические, географические и т.п. атрибуты. Важный этап в истории астронимов – формирование прямой связи между названием и свойствами самого объекта ('ковш', '7 звезд', 'кучки', 'кол', 'гнездо' и т.п.). Начинается бытовое освоение звездного неба, на котором появляются 'косари', 'плуг', 'грабли', 'весы' и т.д. Астронимы становятся инструментами для нахождения объектов на небе.

Номинации Млечного пути демонстрируют особенности реализации универсального образа пути в разных славянских ареалах. С древнейших времен внимание человека привлекал Млечный путь – серебристая белая

полоса, которая как бы опоясывает небосвод. Греки называли Млечный путь *Γάλα* ‘молоко’ или *Κύκλος γαλακτικός* ‘молочный круг’. Галактика многие века (до открытия В. Гершеля в конце 18 в.) считалась синонимом названия *Млечный путь*. Название *Млечный путь* обычно связывается с древнегреческим мифом. Зевс приказал принести своего сына Геракла на Олимп, чтобы его вскормила богиня Гера и тем самым сделала бессмертным. Однако Гера проснулась, оттолкнула Геракла, а брызнувшее молоко разлилось и оставило на небе белый след. Вероятнее всего, этот мотив льющегося молока может быть связан с более древним охотничьим мифом и образом звериной самки.

У большинства народов мира с Млечным путем связывается образ пути, дороги. В архаической модели мира роль пути исключительно велика. В мифопоэтической традиции этот образ связан одновременно и с странством, и со временем. Семантический тип ‘путь’ является архетипическим.

1. Астрономическим научным термином стало лат. *Via lactea* ‘млечный путь’, которое распространилось по всему миру. Во всех славянских языках также представлен семантический тип ‘млечный путь’, калька лат. *via lactea*. Образ пути в разных языках имеет различные варианты: в санскрите это ‘божественный путь’, у скандинавов ‘дорога Одина’, у древних иранцев ‘тропа Аримана’, у шведов ‘зимняя дорога’, у венгров ‘дорога’ и т.п. [5, 15, 17]. Некоторые народные номинации варьируют семантический признак ‘молочный’: русск. *белая дорога* [9, 125], болг. *белия път*, *бял път* [14, 85], польск. *biała droga* [15, 106], ср. нем. ‘дойная тропинка’, ‘дойная улица’, ‘тропинка коров’ [13, 367-368].

1.1 Вариантом образа пути является семантический тип ‘птичий путь’. Полагают, что это название связано с ориентацией в пространстве. Вероятно, весной направление Млечного пути связывалось с маршрутами перелетных птиц, ср. русск. *гусиная дорога*, *птичий путь*, *журавлиная дорога* [3 I, 410, III, 543; 9, 127, 130], бел. *гусіная дарога*, *жураўліная дарога* [10, 249], польск. *droga ptasia*, *droga ptasząt*, *ptasi gościniec* [15, 103], н.-луж. *ptaškowa*, *teškowa droga* [18 II], *korúška cesta* [16, 76]. Тот же семантический образ представлен в тюркских и финно-угорских языках, в латышском, в северных диалектах немецкого языка [7, 36]. Не исключена также связь с представлением о душах умерших.

1.2 Еще один вариант образа пути – ‘дорога душ’: русск. *райская дорога* [9, 139], польск. *droga dusz*, *droga duchów*, *droga umarłych* [15, 104; 12, 79]. Известно, что у многих народов существовало представление о том, что души умерших переселяются на небо. Существует также верование, что душа при этом обретает птичий образ [17, 39, 69]. Подобные названия известны также в Литве, Германии, Венгрии, Португалии, у племен Америки и Австралии [12, 80–81].

1.3 В южнославянском ареале представлен мотив ‘соломенная дорога’: серб. *сламни пут, кумова слама* [4, 149], словен. *kumova slama* [19 II], болг. *кумова слама, попова слама, слама от кума, влася слама* [14, 85], макед. *кумова слама* [8 I]. У южных славян существует легенда, согласно которой Млечный путь – солома из воза или корзины человека, который украл ее у своего кума (другой вариант – попа), а так как корзина была дырявой, солома выпала, образуя длинный след [4, 150, где представлены и другие интерпретации]. Территория распространения номинации ‘соломенная дорога’ очень обширна. Этот образ родился у арабов на Ближнем Востоке, от них распространился среди соседних народов и сейчас представлен от Дуная до Эфиопии и от Атлантического побережья Африки до пустыни Гоби [7, 34]. Полагают, что казахское название *мякинная дорога* возникло из представления древних о том, что птицы, улетаая на зиму, устилают свой путь мякиной (соломой) [1, 6].

1.4 Образ пути может иметь различные мифологические, христианские, географические, исторические привязки: русск. *иерусалимский путь, Моисеева дорога, Батыева дорога, Богородицын путь, божий путь, дорога в Иерусалим* [3 III; 9, 124–126, 128], укр. *божа дорога, дорога в Ерусалим* [2 I], польск. *droga do nieba, droga do raju, droga do zbawienia, droga świętego Elijasza, droga Jakuba, droga do Częstochowy, droga do Warszawy, droga do Jerozolimy* [15, 104–105], в.-луж. *njebjeska droha, swjata droha, romska droha* [20], словен. *božja cesta, rimski pot, rimska cesta* [16, 76; 19 I]. Сохранившиеся в названиях имена богов, духов, мифологических героев постепенно утрачивают свое религиозно-мифологическое значение. По моделям подобных названий создаются новые, становящиеся мемориалом исторических событий: русск. *батыева дорога, мамаева дорога, басурманская дорога*, польск. *droga wojenna* и т.п. Укр. *чумацький шлях* (чумаки – торговцы, которые ездили в Причерноморье, главным образом за солью) Ю. Карпенко считает ориентационным названием, полагая, что Млечный путь помогал чумакам находить дорогу в Крым [5, 19]. Подобное мифологическое, библейское, историческое осмысление образа пути представлено во многих языках. У норманнов Млечный путь – ‘тропа духов в Валгаллу’, т.е. чертог Одина, где обитали герои, павшие в бою; у скандинавов – ‘дорога Одина’; в Вестфалии – ‘последний путь войска’; в Германии также – ‘путь для армии’, ‘дорога господ’, ‘путь Марии’, ‘путь Хильды’, ‘путь святых (Якуба, Йозефа)’, ‘путь божьей матери’ и др. [12, 80; 13, 367–371; 7, 10; 11, 478–480].

1.5 Образ пути выступает с различными привязками, указывающими на погодные условия, на связь со светилами и звездами: польск. *droga na pogodę, droga pogody, droga mroźna, droga na deszcz, mgławica, droga słoneczkowa, droga księżycowa, droga gwiazdowa* [15, 106–107] и т.п., ср. в Саксонии ‘дождь’, в Вестфалии ‘дорога бурь’ [13, 368, 374].

1.6 В русских говорах отмечено название *улица* [3; 9, 142]. Параллельные образования известны и в других языках: швед. *winter gatan* ‘зимняя улица’, нем. *Jakobs strasse* ‘улица Якуба’, кельт. *arianrod* ‘серебряная улица’, нидерл. *vronelden straet* ‘женская улица’ [11, 479-480]. Это достаточно поздняя модификация древнего образа пути, где небо воспринимается как населенный пункт.

2. В славянских языках представлен также семантический тип ‘пояс’: русск. *пояс* [3 III, 543], бел. *пояс* [6, 91], польск. *pas niebieski* [15, 106], словен. *pas* [16, 82], ср. лат. *Caeli Cingulum* ‘небесный пояс’.

3. Некоторые единичные названия также находят параллели в других языках. В белорусских говорах отмечено название ‘большой столб’, ср. нем. ‘опора неба’; в польских диалектах ‘солнечный луч’, в русских ‘звездный луч’, ср. нем. ‘молочный луч’; в украинских диалектах ‘змея’, тот же мотив встречается у американских индейцев (12, 87). Очевидно, что подобные номинации не могут быть отражением контактов с другими народами. Скорее речь идет об общих семантических закономерностях при номинации объектов звездного неба.

Таким образом, все названия Млечного пути так или иначе связаны с универсальным представлением о пути, дороге. При этом образ пути трансформировался и пополнялся новыми мотивами, связанными с особенностями быта и культуры славянских народов. В славянской традиционной культуре представлены многочисленные варианты архетипического образа пути, соединившие реликты мифологических представлений и современных земных мотивов. Активной обработке подверглась атрибутивная часть образа (белый, птичий, чумацкий, соломенный, божий, райский, иерусалимский, басурманский и т.п.). В то же время славянская астрономическая система пополнялась новыми образами под влиянием соседних народов (например, номинативная модель ‘соломенный путь’ у южных славян). При этом далеко не всегда сходная обработка универсального образа является свидетельством межъязыковых контактов. По-видимому, в основе восприятия небесных светил в разных языках и культурах существуют определенные концептуальные связи.

Литература

1. Абишев, Х. Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов / Х. Абишев. – Алма-Ата: Академия наук КазССР, 1949. – 30 с.
2. Гринченко, Б. Д. Словарь украинского языка. Т. I–IV. Киев: Наукова думка, 1996 (репринт 1907-1909).
3. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: Русский язык, 1978–1980 (репринт 1903–1909).
4. Јанковић, Н. Астрономија у предањима, обичајима и умотворинама Срба / Н. Јанковић. – Београд: Српска АН, 1951. – 206 с.
5. Карпенко, Ю.А. Названия звездного неба / Ю.А. Карпенко. – М.: Наука, 1981. – 184 с.

6. Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны / Беларуская мова. Ч. 4. – Мінск: Выд. БДУ, 1978. – 124 с.
7. Никонов, В.А. География космонимов и этнические связи / В.А. Никонов // Проблемы этногеографии Востока. М.: РГО, 1973. – С. 33–37.
8. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Ред. Б. Конески. Т. I–III. Скопје: Македонска книга, 1961.
9. Рут, М.Э. Словарь астронимов. Звёздное небо по-русски. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 288 с.
10. Тураўскі слоўнік. Т. 1-5. Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987.
11. Allen, Richard Hinckley. Star Names: Their Lore and Meaning / R.H. Allen. – New York: Dover, 1963. – 563 p.
12. Gładyszowa, M. Wiedza ludowa o gwiazdach / M. Gładyszowa. – Wrocław: Ossolineum, 1960. – 235 s.
13. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. – Bd. 6. – Berlin, New York, 1987.
14. Koseska, V. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: PAN, 1972. – 131 s.
15. Kupiszewski, W. Polskie słownictwo z zakresu astronomii i miar czasu / W. Kupiszewski. – Warszawa: PWN, 1974. – 168 s.
16. Matičetov, M. Slovenska ljudska imena zvezd in predstave o njih / M. Matičetov // Anzeiger für Slavische Philologie. – 1972. – Bd. VI. – S. 60-103.
17. Moszyński, K. Kultura ludowa Słowian. Kultura duchowa / K. Moszyński. –Т. II. Cz. 1. – Wyd. 2. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1967. – 598 s.
18. Muka, Ernst. Słownik dołnoserbskeje řečy a jeje narěcow. I–II. Budyšin: Domowina, 1966 (přetisk 1921-1928).
19. Pleteršnik, M. Slovensko-nemški slovar. I–II. Ljubljana, 1894-1895.
20. Řezak, F. Němsko-serbski všowědny słownik hornjołužiskeje serbskeje řeče. Budyšin: Domowina, 1987.

А.М. Калюта

Белорусский государственный университет
e-mail: akalyuta1@yandex.ru

УДК 81.373.21

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЭЛЕМЕНТ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ

Ключевые слова: *психолингвистика, ономастика, ассоциативные словари, ассоциации, собственные имена, белорусский язык, турецкий язык, болгарский язык.*

В статье рассматривается та часть ассоциативных полей слов, которую составляют собственные имена. Классификация ассоциативных онимов выявила проблемный характер некоторых слов как имён собственных. Высказывается идея о национальном характере некоторых онимов.